

Ася Алкимова

ФОКУСНИК

18+

Ася Алкимова

Фокусник

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Алкимова А.

Фокусник / А. Алкимова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Когда юная студентка приезжает в легендарный Оксфорд, то неожиданно оказывается в мире, совсем не похожем на английскую сказку. Здесь вместо чопорных британцев - новые загадочные знакомые, вместо занятий - отвязные вечеринки, а вместо учёбы - жутковатые приключения. Захватывающая и оригинальная, эта автобиографическая история раскрывает исторический город и его обитателей с новой, пугающей и притягательной стороны.

Содержание

1. Островитяне	6
2. Свита	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

*«Он ни с кем не говорил,
ни к кому не выражал симпатии;
он был поистине очарователен.»
(М. Уэльбек)*

Мир полон чужих. Мир состоит из них. Из тех, кто чувствует себя чуждым, крайним, немного лишним. Из тех, кто не может до конца понять, что он делает в этом месте и с этими людьми.

Все мы «вне» – кто-то ближе, кто-то дальше, а правда в том, что «своих» не существует. Существуют только те, кто есть точка отсчета.

1. Островитяне

Я приехала в Оксфорд в конце лета. Учеба оказалось значительно проще, чем я рассчитывала, а доля иммигрантов и просто бездельников, слонявшихся по городу в поисках развлечений – значительно больше.

Первые несколько месяцев я гуляла и осматривалась. После многолюдной и нервной Москвы этот город, да и вся Англия, мнились раем на земле. Две центральные улицы Оксфорда, пересекающиеся под прямым углом, застроены зданиями из золотисто-песочного камня. Кое-где он потемнел и покрылся пыльными дождевыми подтёками, кое-где так крошится, что городской совет постановил закрыть балконы и рельефы мелкой сеткой. Несмотря на стеклопакеты, вывески, и туристическую толчею, эти дома очень хороши, особенно под солнцем. Они приглушенно мерцают, и в ясную погоду город накрыт полупрозрачной смутно-радостной дымкой.

Оксфорд – город симпатичный. Именно что симпатичный – он сразу вызывает приязнь, приправленную некоторым недоверием. А потом наступает мучительное разочарование. Британцы оказались народом злым, скрытным и совершенно не собирались принимать русскую студентку с заикающимся английским в свои великосветские ряды.

Я погрузилась в созерцательное одиночество. Мне не хватало легкости, не хватало радости. Я стала страстно учиться: чтобы не думать, я читала Сартра и Фуко. Белый мысленный шум глушил связи и рассуждения. Паршивое это было время: скучное, нескладное, завистливое. Я читала книги и завидовала тамошней погоде, какой бы она ни была.

Я жила на втором этаже, в крохотной комнате. В ширину она была настолько тесной, что ляг я поперек, макушка упиралась бы в одну стену, а ноги – в другую. Длину составляли кровать и стул. Прямо напротив двери было окно, выходящее на улицу, по которой днем сновали автобусы и велосипедисты, а ночью околачивалась местная организованная преступность: пять-шесть коротко стриженных парней в капюшонах. Их цель была мне не ясна: они не грабили и не воровали, но для торговцев наркотиками вид у них был слишком воинственный. Может, это были профессиональные забияки, ждущие повода помахать кулаками.

У меня родилось подозрение, что в Оксфорде есть свой Бойцовский Клуб. Представлялись долговязые создания в твиде и шелке, с волосами цвета соломы и глазами того оттенка, который они сами называют стальным, но который для непосвященного обывателя больше напоминает постную овсянку на воде.

Еще из моего окна было видно дерево, и одно, что особенно любопытно. На одном дереве хорошо наблюдать смену времен года, и я успела, можно сказать, к началу представления. Когда я приехала, дерево устроено и по-деловому перебирало крупными темно-зелеными листьями. Спустя неделю на нем появился плешивый желтый. Оно старилось и мне казалось, что я старюсь вместе с ним.

Прямо под моей комнатой располагался "консервативный клуб" – непередаваемо унылое место, куда почтенные англичане за шестьдесят приходили по выходным выпить пива и поплясать под кантри. Из ночи в ночь дождь гудел крышей. Внизу танцевали. К середине октября я ненавидела Оксфорд.

Тогда-то мы и подружились с Максом. Он жил в Англии с пятнадцати лет и терпеть ее не мог. Ругал мать, отправившую его учиться против желания, и, разумеется, не учился. Вместо этого он напивался: раз в два дня летом и каждый день зимой – тратил все полученные на месяц деньги в первую неделю и ввязывался во все драки, которые мог найти. Он искренне презирал тех, кто занимался делом, не употреблял запрещенных веществ и не горланил под окнами колледжей матерных англо-русских частушек. Его безразличие ко всему, кроме своего веселья, сначала невероятно раздражало меня, тогда ярую гуманистку и карьеристку, которая

уж конечно не стала бы бездумно тратить родительские деньги на клубы и вечеринки. Но он был очарователен и, главное, с ним можно было до умопомрачения говорить о Москве и о будущем. К тому же он жил на одной улице со мной.

Когда однажды вечером Макс позвонил и попросил угостить его сигаретой, это было в порядке вещей. У него никогда не было денег, иногда из-за каких-нибудь банковских неурядиц, но чаще из-за его собственного неумения с ними обращаться. Курил он много, очень много, а сигареты в Англии – практически роскошь. Когда я спустилась во двор с пачкой «Мальборо» в одной руке и кружкой чая в другой, он неожиданно позвал меня в клуб. Я, от скуки, согласилась, и в автобусе состоялся наш первый разговор по душам. У него был обожаемый брат семи лет, мама, которой он помогал выбирать краску для волос, оставленная в Москве девушка и сахарный диабет. В тот вечер мы возвращались домой обнявшись, и едва держались на ногах.

Постепенно выяснились и другие факты его биографии, которые делали его если не привлекательнее, то уж точно интереснее, чем большинство моих знакомых.

– Это я не всегда был таким раздолбаем, – рассказывал он, сидя в пабе за «Гиннесом», – меня как года три назад накрыло, так до сих пор остановиться не могу. Меня же здесь когда из колледжа выгнали, вот тогда я гулял.

Я спросила, за что его исключили.

– За драку. Да там вообще бредовая история была. Какие-то черные на наших девок поперли, ну мы с парнями и вступились. Вроде послали их, поговорили, смотрим, а они возвращаются всей командой. Ну помахались. А у нас на следующий день экзамен. Я сижу, пишу, а у меня из носа кровь капает. Я рукавом прикрываюсь, чтоб не видно было, что морда вся синяя. Всю работу заляпал. Потом, естественно, вызвали к директору, ну а что я ему объяснять буду...

– Но исключать все-таки больно круто за такое.

– Ну не только за это... У меня там уже три выговора было, и за пьяное вождение, и за другие драки. И оценки никакие. Да я рад, что ушел, там не люди были, а дрянь.

– Почему?

– Да потому что им только рейтинг и важен. У нас каждый месяц вывешивали рейтинг по успеваемости, все как с ума сходили. Погрызут друг друга за то, чтобы выше всех... Я, конечно, все понимаю работа лучшая, «число мест ограничено», но ненависти столько, что противно становится. Потом мне как-то плохо было, сахар, я дома отлеживался. Звонят мне, где я, что я, я говорю, что болею, а они не верят. Тащили меня к врачу, я там чуть коньки не отбросил по дороге. Потом извинялись, а на следующий год то же самое. Сволочи.

Он смеялся надо всем, и своей простотой, иронией и готовностью помочь зарабатывал союзников даже в рядах ханжей и подлиз. Я не причисляла себя ни к тем, ни к другим, и полюбила его горячо и сразу. Ни о каких романтических отношениях между нами не могло быть и речи. Он менял девушек как белье, все ему становилось через пару месяцев противны. Даже та самая из Москвы, его первая и, наверное, самая искренняя любовь, ухитрилась его обидеть.

Он пришел ко мне в гости как-то вечером и громко и радостно объявил: «Я послал ее к чертовой матери!»

– Почему?

– А эта сука за мной шпионить решила. У нее есть лучшая подруга, которой я всегда нравился. Подслала ее ко мне, проверить, значит, хотела, дура! Ну со мной когда заигрывают, ты знаешь, я обычно отвечаю. И вот болтаем мы, а моя мне пишет, по всем законам жанра, какой я, значит, подлец. Ну поорали-поорали, я чувствую, не могу ее больше слышать, сейчас блевану. Послал, – он взмахнул руками и с удовольствием прогорланил матерное слово, – и ариведерчи.

Я чувствовала себя в некоторой мере оскорбленной таким его отношением, но обижаться на него было невозможно. Он просто этого не понимал. Обидеть могли только его, и это мнение настолько укоренилось в его характере, что переубедить его было бесполезно.

Как-то мы с ним напились, и Макс, мрачно хмыкая, рассказал мне то, что его действительно мучило.

– Я и сам теперь не понимаю, что я такое, Асенька. Я, вроде, могу быть хорошим, а потом меня накрывает, и я плохой. И я уже не понимаю, где я, наверное, в том и дело, что и там, и там. И лапочка, и гад.

– Может, ты посередине?

– Да нет же, в том-то все и дело. Меня бросает туда-сюда. То я вежливый такой мальчик, то сорвусь и начну всех оскорблять направо и налево, а потом стыдно... Не перед ними, конечно, перед собой.

– Я тебя не понимаю.

– Да я сам себя не понимаю. Никто меня не может понять, пока я сам себя не пойму. В том-то и дело, – повторил он, отворачиваясь к окну и кладя голову на локти. Он молчал больше минуты, и я окликнула его. Он спал.

Мы стали видеться каждый вечер: курили, ругали учебу, погоду и обсуждали планы на лето. Макс опять встречался с двумя девушками сразу, а в свободное время вертелся ужом, зарабатывая зачеты по предметам, на которых не появлялся. Но все-таки находил часок, чтобы сходить со мной в ближайший паб, проветрить голову и поговорить. Постепенно мы привыкли друг к другу, и сами не заметили, как стали почти родней. Я называла его братишкой. Макс, со свойственной ему непосредственностью попутчика дразнил меня впечатляющим ассортиментом изобретательных и безобидных словечек. Я напивалась джином и рыдала у него на плече. Макс советовался со мной в своих запутанных сердечных делах. Мы по очереди провожали друг друга домой после посиделок. И вот однажды Макс наконец отвел меня в «Зигги» – место, про которое он много рассказывал, и в котором я ни разу раньше не была.

«Зигги» располагался на самой окраине, рядом с большими магазинами и лабораториями университета. С виду местечко было крохотным и смутно походило на забегаловки из бандитских фильмов. Выкрашенные в бледно-голубой цвет голые стены, лампы дневного света, которые в любое, даже самое уютное помещение впускают зябкость и гулкость, жужжащий прилавок с угрюмыми закусками. Запах, как в затхлом холодильнике, облупленная чистота кафельного пола, и блеклая атмосфера убожества и усталости, которая возникает к концу дня в местах, где много и бессмысленно работают.

Какой-то человек сидел за одним из столов и жевал шаурму, глубоко нырнув в капюшон своей куртки. Куртка была ярко-зеленой. Кроме него в зале никого не было.

– Хочешь, покажу фокус? – сказал Макс, и направился к стойке в дальнем конце зала. Его шаги отдавались потрескивающим эхом, как будто кто-то сыпал на пол песок. Он обогнул стойку, отодвинул занавеску из набранного на нитки бисера и исчез.

Я пошла за ним.

Место, в которое мы попали, казалось, было зеркальным отражением внешнего «Зигги». Здесь было темно, душно, тесно, и очень, очень людно. За многочисленными занавесками не было видно стен, так что казалось, что мы находимся в пышном средневековом шатре. Единственным источником света, кроме падающего из двери в соседнее помещение зеленоватого прямоугольника, были расставленные по столам и свободным стульям свечи. Пол, уходивший куда-то вниз несколькими ступенчатыми ярусами, был загроможден диванчиками, пуфами, подушками и просто свернутыми кусками материи. Люди были повсюду, темные фигуры со вспыхивающими красным искрами сигарет, тускло поблескивающими стаканами и сверкающими глазами. Вместо разреженного воздуха внешнего зала – тяжелый и дурманящий запах кальяна.

– Что это?

– Это притон, – ухмыльнувшись, ответил Макс.

Он, как выяснилось, немного преувеличил. В стенах «Зигги» действительно совершались темные, не слишком законные дела, но они происходили от раза к разу и как будто бы случайно. Маргинальная репутация этого места жила скорее слухами, чем фактами, но это не особенно смущало вдохновленных упадком подростков: «Зигги» всегда был набит.

В один из первых моих вечеров, туда забрел героиновый торчок по имени Джонни. Он устроил громадный скандал, напугав всех, включая хозяина – араба Зигги – до полусмерти. Он требовал наркотики и грозился сравнять клуб с землей. Поскольку заднее помещение «Зигги» оказалось действительно полу шатром, полу дощатым сараем, это не составило бы особой трудности. Джонни уже начал срывать занавески, когда хозяину, наконец, удалось убедить его, что «дурь» здесь никак не удастся достать.

Это, впрочем, было не совсем правдой. Несколько раз я видела, как передавались из рук в руки небольшие набитые пакетики. Скорее всего, конечно, их содержимое было не тяжелее марихуаны. Но атмосфера тайны и разгульного веселья каким-то образом сохранялась здесь несмотря на всю сомнительность этого странного заведения. В «Зигги» беспрекословно продавали алкоголь подросткам и даже детям, здесь регулярно происходили мелкие стычки, ссоры и драки, развлекавшие публику в той же мере, что участников, здесь можно было курить, не выходя на улицу, и именно здесь находился центр русскоязычного оксфордского общества.

Каждый вечер, проведенный в «притоне», дарил мне новых, удивительных знакомых. В один из таких вечеров я познакомилась с Яной. Нас представил друг другу Макс.

Яна была на полгода младше меня. У нее были темно-рыжие волосы, невероятно красивого оттенка, но тонкие и редкие. Она всегда одевалась одинаково, в джинсы и вязаный свитер. Свитер иногда менялся, хотя каким-то образом он всегда выглядел поношенным и облинялым. Она была не то что красива, скорее мила, и всегда крутилась в центре событий. Стоило ей выпить, она становилась грубой, кричала, дралась и требовала, чтобы все с ней соглашались. Ей никогда не было стыдно.

Она показалась мне тогда совершенно лишенной способности мыслить. Она не думала, кажется, из принципа, перед тем, чтобы что-нибудь сказать или сделать. Само действие мышления было ей чуждо. Если мы назначали где-нибудь встречу, она опаздывала на час, а то и вообще не являлась. И это было вовсе не со зла, а именно от полной неспособности считать, даже минуты. Она очень много смеялась – у нее был легкий, детский смех – и работала проституткой.

Когда она обронила это в разговоре, я подумала, что она шутит, настолько она была не похожа на крашеную блондинку на обочине, да и вообще на то, что я представляла себе при слове «шлюха». Более того, она во многом была противоположностью этому. Она никогда не носила каблуков, никогда не красила глаза и никогда ни с кем не заигрывала. Она училась в частном колледже на биолога – училась, правда, плохо, вечно находясь на грани исключения, но каким-то образом продолжала числиться студенткой.

Для меня так и осталось загадкой, что в ней было таким притягательным для мужчин. Они липли к ней. Они её обожали. Она никогда не искала клиентов – это получалось само собой. Еще секунду назад она могла болтать со мной, а сейчас к ней уже подсаживался какой-нибудь парень и они без дальнейшей траты времени удалялись на задний двор. Все ее знали, любили, и делали ради нее исключение из своей неприязни к женщинам этой профессии. А она и вовсе не считала себя «ничем подобным».

– Я же не выхожу на панель! – возмущенно заметила она как-то, – Я зарабатываю деньги на своем хобби. И чем это плохо?

Я никогда не интересовалась, сколько ей платят, но что-то подсказывало мне, что это было до смешного мало.

В другой вечер я встретила её молодого человека. Он пришел забрать её, пьяную, домой. Я обратила внимание на его светлые, почти белые кудрявые волосы и узкое лицо. Он был выше меня на две головы и ужасающе сутулился. Я не спросила его имя.

«Зигги» был, конечно, обречен: совершенно невозможно было держать такое заведение в Англии и не попасться, рано или поздно, на глаза полиции. Скорее всего, виноват в крахе «притона» был задний двор, в который можно было выйти из шатра: соседи могли слышать полуночные вопли и песни выбегающих туда посетителей. Это был один из самых уродливых дворов, какой мне когда-нибудь приходилось видеть. Квадратный, не больше шагов двадцати в поперечнике, окруженный низенькой кирпичной стеной, с одним-единственным деревцем в центре, он поражал сверхъестественной захламленностью. Вдоль забора гнили, источая сладко-смолистый запах, доски, и валялись бутылки из-под пива, окурки, забытые предметы одежды, разбитые очки, потерянные стручки губной помады и все осколки, обрывки и ошметки, какие можно представить. На дворе каждый вечер кого-нибудь тошнило, и Зигги спешил туда с ведром и щеткой, стараясь избавиться от вони. От постоянного мытья воздух там был необыкновенно влажным, и будто бы не таким прозрачным, как вокруг.

И не смотря на все это, по сравнению с внутренним убранством «Зигги», во дворе было хорошо и спокойно. В переулке, на который он выходил, едва ли мог поместиться человек, и можно было не опасаясь вторжения справлять нужду (туалета в "Зигги" не было), сворачивать косяки, раздавать или продавать минеты и делиться сокровенными сплетнями. Должно быть, однажды соседям Зигги это надоело, и очень скоро клуб закрылся на неопределенный срок. Я снова осиротела, но теперь я была, по крайней мере, не одна.

2. Свита

К середине осени погода наладилась. Ясные теплые дни, в которых только начинал проявляться золотистый отлив, чередовались с ночами, когда дул ледяной и хлесткий ветер, и хотелось по-зимнему закутаться в шарф и пальто.

Макс и я встречались почти каждый вечер. Эти вечера, темные и звездные, как нельзя больше подходили Оксфорду. Город был беспокоен. Студенты-первокурсники терялись в незнакомых улицах, знакомились в барах и во дворах и пили еще больше обычного в попытке впечатлить новых знакомых. Старожилы праздновали воссоединение, обсуждали лето, и, стараясь отсрочить наступление учебного года, каждый вечер гуляли по главным улицам с бокалами в руках, как на старомодном курорте.

Иногда мы с Максом присоединялись к этим островкам веселья, а иногда уходили в поле с сумками, полными бутылок и пачек сигарет. Мы наблюдали, как под заходящим солнцем зелень проходит все оттенки благородных металлов: сначала желтеет, поблескивая в косых лучах, постепенно становится цвета розового золота, на закате переходит в медный и росисто серебрится в сумерках.

Над водой далеко слышны были крики тренирующихся гребцов, громоподобный шорох гусиных крыльев – птицы вот-вот должны были улететь на зиму – и музыка всех стилей и направлений, смешанная с воплями пьяных англичан.

Именно в такой вечер мы забрели в переулок с одним-единственным пабом «Вдали от бушующей толпы». По иронии, паб был набит, и, не найдя свободного столика, мы остались на улице и закурили. Макс сказал, что хочет меня кое с кем познакомить. Он чуть не подпрыгивал на месте от возбуждения, и, стоило еще неразличимым фигурам показаться в конце переулка, сорвался с места и кинулся им навстречу.

Вблизи они были до смешного разными, эти двое. Тот, что шел чуть впереди, был высоким, узким и смутно знакомым. Как все долговязые люди, он чудовищно сутулился и вытягивал голову вперед, из-за чего был похож на какую-то длинношеею птицу. У него были тонкие руки и тонкие ноги, расхлябанная, пританцовывающая походка, и весь он выглядел так, точно сплошь состоял из спичек и шарниров. Голова его тоже казалась неестественно большой и круглой, а когда он снял капюшон, выяснилось, что она буквально утыкана мелкими тугими кудрями. У него были волосы цвета белого речного песка и круглые серые глаза с короткими веками. Карикатурно диспропорциональный, он широко улыбался и кланялся в такт движениям.

Второй едва доходил ему до плеча, но казался, несмотря на это, гораздо старше. Длинные черные волосы, черный воротник прямого пальто и черные очки. Его лица почти не было видно, но, даже замаскированное, оно не производило впечатления ни красоты, ни доброжелательности.

Первого Макс представил как Влада, второго – как Вардана. Влад пожал мне руку, Вардан неприветливо улыбнулся и промолчал.

Когда толкотня у барной стойки была позади и мы расселись вокруг стола, Макс и Влад заговорили о недавнем закрытии "Зигги". Я уже обсудила это с Максом во всех подробностях, которые мы смогли вспомнить или выдумать, и добавить мне было нечего. Вардан участия в дискуссии не принимал и черных очков не снял. Естественно, что мое внимание постепенно переключалось на странного знакомого. Человек так нарочито молчаливый обычно или очень стеснителен, или очень тщеславен. И те и другие в душе только и ждут, чтобы их разговорили и выслушали.

– Ты здесь учишься? – забросила я первую удочку.

– Да. И работаю тоже. Уже пять лет здесь, по национальности армянин, но всю жизнь прожил в Америке.

В два предложения он уместил ответы на мои вопросы, которых, будь он поделкатнее, хватило бы на добрых полчаса разговора.

– О... А где именно в Америке?

– Чикаго.

– Тебе там нравится?

Он посмотрел на меня так, будто я была самым тупым человеком, с которым ему пришлось разговаривать во всех трех своих родных странах.

– А тебе в Москве нравится? – спросил он после паузы.

– Я ее люблю, да, и всегда буду по ней скучать, но жить там сложнее, тяжелее, чем здесь... – заметив выразительно поднятые брови я запнулась и закончила, – Это сложный вопрос.

– Ну вот.

Так просто ты от меня не отделаешься, подумала я.

– Тебе в очках не темно?

– Нет.

– А что, глаз подбили?

Ох, эти короткие предложения, которым подростки учатся от более удачливых товарищей, эти подкидывания фраз, всегда с одной интонацией, всегда обрывистые, неуклюжие, полу-вопросы полу-шутки. Они наполняют разговоры молодых людей, составляя банальный кодекс вежливости. Они провоцируют смех, фальшь, инфантильно болезненное остроумие, они позволяют покрасоваться и в то же время несравненны в своей способности смутить людей, воспринимающих их всерьез. И в них, как в шашки, нельзя играть одной. Мне стало стыдно за свое детство.

– Нет, серьезно?

Вардан пожал плечами и снял очки. Их присутствие тут же объяснилось. Радужки просто не было. Воспаленно-розовые белки сразу переходили в зрачки, расширенные до предела и непривычно матовые. По векам, как бритвенные порезы, шли лиловые полосы кровоподтеков. «Проведите карандашом по линии роста ресниц» – его глаза выглядели так, будто на них спустили всю палитру грима для фильма ужасов. Удивительными были и сами глазницы. Если бы не пугающая симметричность этих теней, я бы приняла их за синяки. Нездоровый землисто-серый оттенок господствовал на его лице и эхом разносился по всей внешности. Макс оторвался от разговора и задорно присвистнул.

– Наркоманим? – спросил он, смеясь.

– Не спим ни черта, – в тон ему ответил жуткоглазый и опустил очки.

Потом говорили о пиве, планах на выходные, новых клубах и учебе. Вардан был молчалив и подчеркнуто равнодушен. Он ничего не рассказывал, мало пил и слушал разговоры вполуха. Остаток вечера я провела, гадая, можно ли и вправду такую масть заполучить, страдая бессонницей.

Когда паб начал пустеть, и улыбчивые девушки одна за другой стали выходить из-за барной стойки, рассеиваясь по залу, убирая посуду и протирая столы – было около двух – Вардан неожиданно пригласил нас к себе в гости.

Он жил в самом центре, на третьем этаже старого дома из золотистого известняка. Мы прошли через стеклянную дверь, и поднялись по лестнице. Вместо ключа у него оказалась карта вроде тех, которые используют в отелях. Дверь, в противоположность замку, была древне-деревянной, двустворной, как в старых московских подъездах. Очутившись в коридоре, мы в темноте, спотыкаясь, смеясь и пьяно гикая, поднялись на четыре ступеньки. Откуда-то слышались крики и далеко грохотал смех. Две ослепительные полосы на полу обозначали двери. Вардан открыл правую и мы гуськом нырнули в сияющий прямоугольник.

Из сияния материализовалась кухня, или, вернее, то, что задумывалась как кухня. Вытянутая комната, слишком большая для этого старого дома, всего с одним окном напротив двери, выходящим в совершенную темноту внутреннего двора. Зато в скошенной крыше окон было целых три, три огромных квадрата, которые сейчас, когда в комнате горел свет, отражали ее внутренности наподобие хирургических зеркал.

Сияние, непривычно яркое, как выяснилось, исходило из галогенных ламп дневного света: такие развешивают в школах, больницах и ночных супермаркетах. Под этими софитами вся комната переливалась чистотой и прямыми линиями. Казалось, из нее были раз и навсегда изгнаны все тени.

В одном ее конце располагалась сама кухня, чистая до блеска и совершенно голая: ни грязных кофейных чашек, ни забытых не на месте кастрюль, ни магнитика, ни пятнышка на холодильнике. В другой стороне стояли два дивана, телевизор, и лежал старый ковер. Прямо перед нами – хаос разномастных стульев, табуретов и кресел вокруг двух круглых столов, неуклюже сдвинутых вместе.

Но самым удивительным была даже не противоречивая обстановка, не переизбыток ламп и не скрытная отшлифованная безличность. Комната была полна людей. Тридцать, сорок, пятьдесят? Они заполняли все пространство как одна большая амеба. Здесь были и вопящие англичане, и грубые громкие сербы, и канадцы, по своей национальной привычке слоняющиеся из угла в угол с бокалами в руках, и, конечно, граждане федерации всех мыслимых народностей. Японцы и китайцы держались диванов, латиносы со своим гнусавым испанским и яркой жестикуляцией, наоборот, толпились у кухни. Совершенно невозможным представлялось, чтобы все эти люди пришли в гости к одному нелюдимому армянину, и глаз сам собой искал ту вавилонскую башню, ту причину, что вызвала подобную давку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.